силы!“ — „Возьми боёву пáлицу и испробуй: ударь дубъ, какъ дубъ разлетúтца?“ — То онъ удáрилъ, а дубъ разлетѣлся на мéлкіе полѣньи сразу весь.

Тогда распростúлся Илюшинька съ Егоромъ Златогоромъ, немножко отъѣхалъ и окáменилъ на конѣ: ходу не стало, Господь не попустúлъ. А Егоръ Златогоръ окáменѣлъ въ гробу. (Вѣдь нынче богатырей нѣту!). И недалéко отъ Невы́рѣки онѣ [окаменѣли].

17. [Володька купеческій сынъ].

1. Было ето въ городѣ Петербургѣ. Жилъ купецъ. У ево было въ бáнкѣ 40 тысячъ, лежáло, у этова купца. Сынъ былъ у ево Володька. Купцу и этѣхъ денегъ не довольно; онъ нашолъ такихъ людей (деньги работать *ишо*), которые деньги рабóтали; въ порóжнее врéмя могли они пóдкопъ копать въ порóжнюю избу дáльше, штобы уйти éтѣмъ пóдкопомъ. Потомъ жилъ у ево годовóй работникъ. Отжилъ годъ, онѣ ево неслáвно разсчитáли. А работникъ сказалъ: „за éто я вамъ покажý *вошь въ гóлову*!“ пошóлъ и сказалъ.

Потомъ онъ приходитъ въ полицейское правлéнье, рабóтникъ; заявляетъ, *хтó* деньги рабóтатъ недѣйствúтельные. А деньги онѣ дѣлали—въ чужіе зéмли отправляли; деньги въ однéмъ словѣ не сходяцца съ дѣйствительными деньгáми. *То* полицейскіе говорятъ: „мóжешь ты намъ показать?“—„Я могу поутрý застать на дѣлѣ, хтó деньги рабóтатъ!“

2. До утрá доживáютъ. Собралáсь полиція, взяли етова работника, поѣхали къ хозяину. Полúца пріѣзжаетъ, хозяину говоритъ, што „пушшáй насъ во двóръ!“ Приходитъ во дворъ. „Хозя́инъ, давай намъ óбыскъ! гдѣ вы деньги работаите? отворяй давай подвáлъ намъ!“ — Къ подвáлу подхóдятъ, а Володька рабóчихъ спрáшиватъ: „сéднишную ночь сколько дéнегъ вы нарабóтали?“—„Сорокъ тысячъ только сéдни, полѣни́лись“, говоритъ.

Начáли кладовýю только отпирáть, эти рабочіе въ нору убѣжáли, которые готовили; остаётца сынъ Володька только тутъ. Володьки спросили: „што ты дѣлаешь?“—„Деньги рабóтаю“.—„Съ кѣмъ ты рабóтаешь?“—„Я одинъ рабóтаю, ни-

ково больше нѣтъ!“ — Полица приказала ево заковáть, въ тюрéмъной зáмокъ свести. Штó денегъ нарабóтано, всѣ взяли. Посадили ево въ тюремной зáмокъ.

3. Онъ сидѣлъ цѣльной годъ. Дѣло было въ праздникъ. Енеральская дочь приноси́ла *рѣшóтку* калачей въ тюрéмной зáмокъ, разноси́ла по *несчáстнымъ*. До Володьки дошлá и ему подаётъ. Она раньше знала ево и сказала: „Володька, знать, напрáсно сидишь?“—„Што подѣлашь, бáрошня? у́часъ такà довелá!“—Она ему нештó не сказàла.

Домой приходитъ, объясня́етъ родителю: „Родитель, вотъ у меня теперь нанятóй *ученúкъ*, плáтимъ мы ему 30 рублей въ мѣсяцъ. Чѣмъ намъ платить 30 рублей въ мѣсяцъ, вы́пустить купеческова сына Володьку; онъ разучёной очень, нà семь грáмотъ, онъ будетъ меня обучать дáромъ. Человѣкъ онъ молодой, ему скушно очень въ тюремномъ зáмкѣ сидѣть; пожалѣй, родитель, ево!“ сказала дочь. (А сама залюбѣла ево ужъ). А Володька изъ себя былъ краси́вой и кудря́вой (волосы у ево кудря́вы были).—„Ну, ладно, ми́ла дочь! я утромъ схожу́, вы́пушшу ево“.—Енералъ поу́тру приходитъ въ тюремной зáмокъ, приказалъ ево расковàть. Приводитъ въ свой домъ, говоритъ: „вотъ ты учи мою дочь Палàшу!“

4. Онъ начинаетъ её учить; задаётъ стрóчку, она отвѣчаетъ пять да шесь. Наука пошла хорóшая ей. День она съ имъ посидѣла и говоритъ: „вотъ, роди́тель, тотъ меня училъ недѣлю, а етотъ одинъ день,—я больше поняла́ въ день въ одинъ!“ — Сказалъ енералъ Володькѣ, што „ты пріучай мою дочь, постарайся! Я походатайствую, можетъ быть не вы́пустятъ ли тебя изъ тюремнова зáмку?“ — *То* енералъ съ енарáльшой уѣзжали въ гости, а онѣ оставались въ комнатахъ однѣ. *То* Палаша заводитъ ево въ свою спальну и говоритъ: „Володька, сотвори со мной блудъ, а если етова не будетъ, то — выняла леворьвéртъ— въ тебя пу́лю вы́пушшу, а потомъ сама застрѣлю́сь!“—Чѣмъ погибать,—говоритъ:—такъ лучше согласи́цца.

5. Потомъ онѣ проживáли съ ей, этимъ манеромъ, етакъ съ полгóда. Енералъ сталъ замѣчать; говоритъ енеральшѣ: „*мать*, я вижу: дочь у насъ едва ли не обрюхáтѣла“. — Енеральша на то сказала, што „сáми свели́! до слѣдствія время теперь ужъ молчать довòдицца“.—*То* во второй разъ енералъ опять уѣзжалъ въ гости. Володя сталъ своей

Палашѣ говорúть: „Палаша, дѣло не ладно! родители узнали, што мы съ тобой живёмъ. Подёмъ мы съ тобой на прúстань, сядемъ на корапь, уѣдемъ въ чужíе зéмли, и вотъ тамъ мы съ тобой обвѣнчáмся, проживёмъ, — нихтó и не узнаетъ!“—Палаша узнала, што дѣло не ладно; взяла денегъ у родителя немало, пошлú съ имъ на пристань. Попýтчиковъ ѣхать *имя́* никово не оказалось тутъ,—ѣхать нѐ на чемъ.

Володька говоритъ, што „я, Палаша, покупáюся!“ — „Володя, ты потóнешь!“—„Нѣтъ, я плавать мàстеръ, я никогда не потонý!“ — Снималъ съ себя одежду, также рубашку и подштàнники, палъ въ море. И вотъ онъ *курнýлся* и поплúлъ. Не меньше глядѣла она съ часъ время и плакала, што онъ потонулъ: не видитъ ево. Онъ былъ плавать мастеръ: захочетъ отдохнýть, лáгетъ нá спину, потомъ опять плывётъ, а виду не подавалъ, штобы она не видѣла. Тогда она отправилась домой, Палаша.

6. Приходитъ домой. Какъ родители её прiѣзжаютъ, она на колѣнки стаётъ и плачетъ.—„Што же ты, мила дочь Палаша, плачешь? объ чѣмъ больше? скажи!“—„Я передъ вами, родитель, не ладно сдѣлала“.—„Скажи ты намъ, чевó ты сдѣлала?“ — „Попроси́лся Володя купатца нà море, я никакъ не могла ево отговорúть; и вотъ онъ какъ палъ въ мóре, и утонулъ“. — Енералъ на то сказалъ: „ну, такъ што же што утонулъ? мы сдѣлаемъ *мéршую* бумагу, скажемъ, што онъ кòнчился, бóльше и ничево!“

7. Володька плылъ моремъ, *натакáлся* на китъ-рыбу. А китъ-рыба хочетъ ево съись, а онъ ей не даётца: гдѣ подъ брю́хо, гдѣ на её налѣзетъ. Потомъ китъ-рыба сплылá нà верхъ, какъ пласти́на. Володька залѣзъ на ней и сидитъ. По ево счасью, ѣхали изъ и́нныхъ земель на кораблѐ; увидѣли человѣка и говорятъ: „это непремѣнно, ребята, чудóвишшо морское, надо отворотить отъ ево!“ — То сверстáлись протúвъ ево, скричѣли: „што ты, человѣкъ или нѣтъ?“—„Я человѣкъ крешшóной; не можите ли вы взять меня съ собой?“—*То* скричѣли изъ кораблей: „если можешь къ намъ плыть, къ кораблю, такъ подплывай ближе!“—Тогда онъ соскочилъ съ китъ-рыбы, подплúлъ къ *и́хому* сýдну. То онѣ подхватили ево, посадили въ корабль; пóплылъ онъ тогда съ *имя́*.

8. Прѝбыли онѣ въ королевство: привали́лись на пристань. Тотчасъ королю доло̀жили, што „мы нашли на̀ морѣ человѣка; куды ево дозво́лишь дѣвать?“ — *То* король приказалъ: „приведи́те ево въ мои пола̀ты; я погляжу́, што за человѣкъ“. Онѣ ево обряди́ли какъ слѣдуетъ, одѣли съ рукъ и до ногъ. Приходитъ онъ къ королю̀ въ домъ. Королю онъ сразу понра́вился: лицомъ красивой и кудрявой. Сказалъ: „молоде́цъ, отку́ль? изъ какихъ земе́ль?“ — „Зовутъ меня Володькой; съ измалѣтства я съ родителемъ рыбачилъ; судно наше росши́бло, я потону́лъ на̀ морѣ. Не примешь ли, Ваше Королевское Величество, меня къ себѣ на мѣсто дитя? я служить буду Вамъ по сме́рть свою!“ — Король сказалъ: „у меня сына нѣтъ; всё равно! будетъ онъ съ нача̀лу служить у меня въ домѣ полови́мъ“. — И онъ сталъ полови́мъ служить; королю̀ очень заглянулся, а дво́рному енералу ишо пу́шшэ тово.

9. По́жилъ онъ мѣсяцъ-дру́гой; сказалъ енера́лу, што „мнѣ ета служба не дово́льна, полови́мъ быть. По крайней мѣрѣ, вы мнѣ службу дали бы въ Сено̀тѣ пи́саремъ быть“.— Енералъ королю̀ сказалъ: „переведе́мъ ево въ Сенотъ писаремъ и задади́мъ ему прозьбу: каку́ онъ прозьбу можетъ соста́вить?“ — Перевели ево въ Сенотъ, задали ему прозьбу; составилъ онъ прозьбу очень хорошо, прозьба *заглянулась* королю. Король сказалъ, што „не быть ему мла́дшіимъ писаремъ, а быть ему ста̀ршимъ писаремъ, штобы онъ могъ всѣмъ Сенотомъ править!“ — По́жилъ Володька съ годикъ; дѣло пра̀вилъ очень хорошо въ Сенотѣ.

10. Наконецъ, король што-то захвора́лъ и по-скорости померъ. У короля не было братовьёвъ, также и племянниковъ, наслѣдниковъ никаки́хъ. *То* сходились и совѣтовались: „ково поста̀вимъ въ короли королевствомъ править? Въ короли всякому охота, а давайте зададимте задачи: по три книги хто можетъ списа́ть въ трои сутки—со старыхъ книгъ на свѣжи—тово и въ короли“.—Всѣ сидѣли старались день и ночь, што списывали, а Володька ходитъ день и ночь, сутки, не занима́етца. Дворный енералъ сказалъ: „што же ты, Володька, не занимаешша?“ — „Я человѣкъ чужестранной, гдѣ же меня поставятъ въ короли?“ — „Ну такъ што же? мы тебя при́няли за своёва; занимайся всё-таки; напишешь, такъ поста̀вимъ!“

На третей день Володька занялся и рано покончилъ, списалъ. *То* приходитъ на четвёртые сутки въ Сенотъ. — „Што, ребята, у ково готово?“—*То* сказали, што на сутки, у другова на полторы—у всѣхъ не готово, только очудилось готово у Володьки у одново.—„Быть ему королёмъ!“

11. *То* онъ королевствомъ съ годъ правилъ. Наконецъ сказалъ: „господа, я желаю къ руському государю; у меня есь дѣло съ царёмъ поговорить“. — „Тебя унять нельзя: можешь ты заутра ѣхать“. — Онъ приказалъ корапль припасти къ утрому. До утра доживаетъ, на корапь садицца и отправляетца. Пріѣзжаетъ въ руське государство, привалиpаетца на пристань. Дѣло было къ ночѣ. Онъ снимаетъ съ себя королевскую одежду, надѣваетъ на себя купеческую простую одежду. Ту одежду въ сундукъ запиралъ; товаришамъ сказалъ, што „я, господа, схожу одинъ; хотя и ночь прохожу всю, вы, господа, съ корабля не уходите, дожидайтесь меня!“

Идётъ онъ по городу; видитъ двухъэтажной домикъ, заходитъ въ ево. А въ этёмъ домикѣ живутъ шайка разбойниковъ. Заходитъ онъ въ домъ, онѣ сидятъ за столомъ водку распиваютъ. Атаманъ-разбойникъ взглянулъ на ево,— одежда на нёмъ хорошая. — „Господа, убить етова человѣка!“—А онъ говоритъ: „не бейте! вырвался я самъ изъ тюремнова замку, желаю съ вамъ вмѣстѣ разбойничать; примите меня въ свою шайку! Если вы не вѣрите, глядите на моихъ рукахъ: вотъ у меня и клеймы есь, што я несчастной“.

12. Онѣ были согласны; приняли ево въ свои товаришши: „садись, братъ, съ нами за столъ кушать!“ Кушанье закушивали, также и водку выпивали. Наконецъ, атамана спросили: „а севодня какова велишь намъ купца позорить?“ — Атаманъ сказалъ: „*тупайте* вотъ къ такому-ту, къ Андрею купцу, которой деньги работалъ; ворвитесь къ ему въ кладовую!“ — *То* Володька понялъ, што къ ево отцу посылаютъ; пошелъ въ разную комнату скорѣе: приходитъ, живо вынимаетъ бумагу и карандашъ, сучинилъ записку, положилъ иё въ карманъ. (*Имя* не объясняетъ ничево ужъ).

13. Подходитъ дѣло къ полночѣ. Посылаетъ ихъ атаманъ разбойничать. Запрягали онѣ этипажъ, ѣхали на охоту. Подъѣзжаютъ къ етому Андрею къ дому, начали работать,

врыва̀тца въ кладовую. Разлома̀ли, какъ человѣку лѣзти,— Володька и говоритъ: „давай, братцы, я залѣзу живо, буду вамъ подавать, вы только принима́йте!“—Володька залѣзъ; хотя онъ подаётъ, а въ стѣну чѣмъ-небудь пу́шше коло́титъ, штобы слыха́ли дома̀шные. Услыха́ли дома́шные, што хто-то въ кладовой *ше(а)барчи́тъ* (сту́кацца), выбѣга́ли, увидѣли этихъ самыхъ разбойниковъ. Тогда онѣ закричѣ́ли: „Володька, вылѣза́й!“ — А онъ не вылѣза́тъ. Онѣ ся́ли да угна́ли.

14. Работники заходятъ въ кладову́, увидѣли Володьку, не разсмотрѣли, што хозя́инъ, давай ево бить. Володька не отвѣчалъ, што „я хозяинъ“ ли што ли; а до тово ево доби́ли, што онъ ничѣмъ не могъ влада̀ть. Сказалъ отецъ (хозяинъ), што „оставьте, не убивайте, оставьте до́ свѣту! я спрошу, хто такой?“ — У Володьки была сестра; запросилась: „дозво́ль мнѣ, тятинька, сходить посмотрѣть етова разбойника“.—Отецъ хотя её и не пушша̀лъ, она со слезьми́ про́сицца: „дозволь поглядѣть; серцо не терпитъ, схожу я погляжу“. — Она фонарь зажига́ла (какъ народъ тутъ ево карау́лилъ), приходитъ въ кладовую, смотритъ на ево кудри. То сестра смотритъ и плачетъ, сужалѣ́ла: „по кудря́мъ словно какъ нашъ братчикъ Володька, а лицо изби́то всё, въ кровѣ“.

15. То онъ услыха́лъ отъ сестры рѣчи, засова́лся въ карма̀нахъ, нашо̀лъ записку, выбра̀сыватъ сестрѣ по́дъ ноги. Сестра: „што такое?“ Подняла̀ записку, читаетъ, што „прими́ отъ меня, сестра̀, записку!“ — Сестра заплакала, пошла въ свои поко́и, въ ызбу, подаётъ записку родителю. Записку родитель разсмотрѣлъ, заплакалъ, приказалъ принести́ ево въ ко́мнаты свои. Приносятъ, лицо ево умываютъ, работника живо по́слали за до́хтуромъ. Къ богатому въ полно́чь—ето не што, живо дохторъ собирался, набира́лъ всякихъ лѣкарствовъ. Дохтуръ намазалъ хорошею мазью, завязалъ. Тогда родитель сказалъ: „што ты, милой сынъ, не могъ скричѣть? неужели-ли бы я приказа́лъ тебя бить?“

16. Дѣло доходитъ до утра. Володька и говоритъ: „родитель, прикажи́ кучеру запрекчи́ въ карету, я съѣзжу на при́стань—у меня есь тава́ришшы тамъ!“ — Пріѣзжаетъ на пристань, сундукъ отворяетъ, надѣваетъ на себя мундѐръ какъ слѣдуетъ, што́ подоба́ецца королю́ надѣть. Оставилъ

одновó караульнова, а тутъ забралъ всѣхъ къ себѣ на обѣдъ; привозитъ къ родителю въ домъ.

Тогда на *обрáдъ* смотрѣлъ ево родитель; „неужѐли ты, Володька, доступи́лъ, што служишь королёмъ?“ — „Да, тятинька, я служу вотъ въ такой-то державѣ королёмъ. Съѣзди ты, родитель, или накажи́ кучеру, скажи, штобы привёзъ вотъ такова енера́ла и съ женой и съ дочерью съ Пала̀шей!“ — По́слалъ Андрей къ этому енера̀лу — привезти самово́ и жо̀нку и дочь. То пріѣзжаютъ къ купцу. Купецъ Андрей принялъ ихъ, на̀чалъ угошша́ть. Сидѣли онѣ, а Володька былъ въ разной комнатѣ, съ сестрой сидѣли. (Онѣ ишо не здоровались).

17. Тогда Володька сестрѣ говоритъ: „поди, сестра, приведи съ собой въ комнату Палашу; скажи, што моё дѣло дѣвичье, мы будемъ тамъ съ тобой угошша́тца“. (Ему ужъ охота невѣсту-ту скорѣ повида̀ть, затѣмъ и пріѣхалъ). Приходитъ и говоритъ: „господинъ енералъ, дозволь мнѣ свою дочь въ разную ко́мнату, мы будемъ тамъ угошшатца: наше дѣло дѣвичье!“—Палаша приходитъ въ комнату, а Володька сталъ проти́въ ие́ на́ ноги и здоро́вацца съ ей. Палаша оробѣла.—„Неужели, Володька, я тебя вижу?“—„Да и вѣрно, Палаша, што я!“—„Я по тебѣ ми́лостину всегда *обношу* (подаю), считаю, што ты поко́енъ, а ты живъ образова́лся!“

Палаша ему объяснила: „я отъ тебя теперь никакъ не оста́нусь! отъ тебя родился сынъ, у меня ростётъ“. — Володька сказалъ: „затѣмъ я и съ королёвства обрати́лся — тебя въ жёнки взять и съ собой увезти́! А сынъ будетъ у насъ впослѣдствіи время наслѣдникъ... Можно теперь обрати́ца намъ къ родителямъ“.

18. Приходятъ въ комнату къ родителямъ. Выходили изъ той комнаты всѣ трое, здоровались съ енераломъ; и енера̀лъ оробѣвши смотрѣлъ на Володю. „Неужели ты это самой и есь, Володя? доступился до этой степени, што получилъ теперь чинъ короля?“—„Да, Ваше Превосходительство, я служу въ такой-то державѣ королёмъ. Я обратился изъ королевства: ты выдай свою дочь мнѣ въ жёны!“ — „Бо̀гъ благословитъ! Сечасъ сходите къ вѣнцу и будемъ мы потомъ пировать“.

Съѣздили, повѣнча̀лись, кутили болѣе недѣли; наконецъ, онъ отправился въ королевство. Роспростился съ отцомъ-

матерью; прошша̀лся, говоритъ: „и радъ бы я до́ма остался, нельзя ни́какъ законъ перемѣнить!“ —Увёзъ Палашу съ сыномъ въ королевство.

---

18. „Боба королевичъ“.

1. Жилъ былъ король. У короля былъ сынокъ Боба̀ королевичъ, и онъ пяти лѣтъ на́чалъ шу́тки шутѣть: е́шли возьмётъ человѣка за́ руку, какъ *пали́снетъ* и убьётъ. Потомъ королю стали приносить жалобу, што „сынка своёва *посокро́че* держи“.— Король етому не вѣрилъ. Заста́вилъ своёва сына: привезёна была *связь* (огромная лѣсина) на пятёркѣ,— велѣлъ онъ: „можешь ли ты, сынъ, вы́бросить эту связь черезъ дворецъ?“ (Попытать захотѣлъ сына). – „Нѣтъ ли ково за дворцо́мъ? — убери!“ — *То* онъ подходитъ къ етой свя́зи, взялъ её въ руки и бросилъ за дворецъ. Отецъ удивился етому дѣлу. Приказалъ её на мѣсто поло́жить, гдѣ она лежа́ла. Боба королевичъ принёсъ её на мѣсто.

2. Приказалъ ему отецъ склась ка́менной столбъ: только бы ему была, значитъ, крова́ть - лежа́нка и окошко, рѣшо́тки штобы были крѣпкіе; форточку оставить небольшую, штобы пишшу только сова́ть. Склали етотъ столбъ, заво́дитъ ево въ столбъ родитель, запираетъ въ столбѣ ево. Носи́ла ему пишшы дѣвка черна́вка, всё за имъ одна ходила. Прожива̀лся онъ въ столбѣ съ годъ.

3. Дѣло было въ праздникъ, а дѣвка черначка приноси́ла чёрнова хлѣба и пирокъ съ рыбой; тогда Боба́ королевичъ скричалъ въ окно: „дѣвка черначка, севодни день празнишной! наштó ты мнѣ чёрнова хлѣба ломоть несёшь?“— Сказала дѣвка черначка: „*мотри́*, Боба королевичъ, хотя пирогъ хорошъ, ты ево не ѣшь: онъ состря́панъ съ зелья́ми; какъ ты поѣшь, такъ тебя разорвётъ на́ три части. Лучше съѣшь чёрнова хлѣба, *то́* будешь ты цѣлъ“. — Сказалъ Боба королевичъ: „дѣвка черначка, меня отопри́, тогда мы скричи́мъ борзы́хъ коблéй, *стра̀вимъ* етотъ пирогъ!“—Отпёрла; скричѣли борзы́хъ коблéй; борзы́ ко́бли съѣли пирогъ, ихъ на три части ро̀зорвало.—„Я уйду бе́зъ вѣсти и не покажусь больше. Поло́жь—на́ вотъ тебѣ изъ борзыхъ коблей печенку и серцо, положь на тарелку; приди въ комнату,